

СЫМА ЦЯНЬ, Избранное. Перевод. В. Панасюка, общая редакция, предисловие и комментарии Л. И. Думана, М., Гослитиздат, 1956, 360 стр., тираж 90 000 экз., цена 6 р. 85 к.

Нельзя не приветствовать попытку Государственного литературного издательства познакомить советского читателя с частью огромного труда Сыма Цяня «Исторические записки». К сожалению, приходится сказать, что это издание отличается рядом серьезных недостатков, которые мешают понять величие отца китайской истории и место, занимаемое им в развитии древнекитайской историографии.

В предисловии справедливо отмечается, что «Сыма Цянь был широко образованным, разносторонним ученым своего времени» (II—I вв. до н. э.) (стр. 11), но трудно согласиться с утверждением автора предисловия, что древний историограф понимал «классовый характер» морально-этических отношений, «большое значение придавал... материальным условиям существования людей, т. е. экономическому базису общества» и что труд Сыма Цяня «безусловно... свидетельствует о его материалистическом понимании истории» (стр. 25). Сыма Цянь, действительно, «внес много нового» (стр. 18), но из текста предисловия может создаться впечатление, что он обогнал свое время на два тысячелетия и, очевидно, явился непосредственным предшественником К. Маркса (!).

Далее в предисловии говорится: «По своему мировоззрению Сыма Цянь отличался как от конфуцианцев, так и от представителей других основных философских течений... не отвергал целиком учение этих школ, в каждой из них он находил приемлемое для себя» (стр. 22). Таким образом, во взглядах древнего мыслителя обнаруживается разительное противоречие: с одной стороны, он сумел предвосхитить науку XIX — XX вв. н. э., а с другой, — не смог разобраться в философии своего времени и эклектически соединил разнородные направления.

В том избранных произведений Сыма Цяня включены: «Предисловие автора» (т. е. Сыма Цяня), с обзором трактатов его предшественников, и некоторые биографии. Остановимся на вопросе о том, как использован этот материал автором предисловия к изданию Гослитиздата.

Автор предисловия к русскому изданию не находит философских предшественников Сыма Цяня и, полагая, что «он ... стоит особняком» (стр. 22), рассматривает взгляды историографа как нечто новое. Автор этого предисловия находит у Сыма Цяня термин *бянь*, «означающий изменение, превращение» (стр. 26), а сам Сыма Цянь указывает на «описание» «перемен и превращений (*бянь*)» в древнем памятнике «Из цин». В предисловии Л. И. Думана четырежды повторяется «мысль» Сыма Цяня о том, что «вещи доходят до своего расцвета (апогея) и наступает упадок», причем дается ссылка на «Исторические записки» (стр. 27). Сыма Цянь приводит ту же фразу в речи Ли Сы (III в. до н. э.) (стр. 225). Как бы предчувствуя что за «замкнутый круг» цикла развития в пятьсот лет ему припишут «ошибочное идеалистическое представление» (стр. 28), Сыма Цянь спешит оправдаться тем, что узнал о нем от своего отца (стр. 43) и от других (стр. 57). Таким образом, «по своему мировоззрению Сыма Цянь отличался» далеко не от всех «основных философских течений», как об этом сообщает Л. И. Думан (стр. 22). Сыма Цянь открыто говорил о своих симпатиях к представителям одной школы — даосской и писал: «они... добились огромных успехов» (стр. 36)¹.

Тем не менее автор предисловия к русскому изданию избранных произведений Сыма Цяня, как мы выше видели, не находит философских предшественников Сыма Цяня.

Но кто же виноват в этих разногласиях между русским предисловием и китайским автором? Переводчик ли, В. Панасюк, редактор ли, Л. И. Думан, или автор предисловия и комментария, тот же Л. И. Думан? Непонятно, как они могли пройти мимо таких оценок предшествовавшей Сыма Цяню философии, как например, у

¹ Автору предисловия к русскому изданию не помогло и цитируемое им указание другого древнего историка — Бянь Бяо, который отмечал, что Сыма Цянь «относится... с уважением к даосизму» (стр. 23).

А. А. Петрова: «В древнем даосизме мы находим элементы диалектического мышления, выраженные в попытке формулирования понятия закономерности и всеобщего единства в концепции круговорота...» (сб. «Китай», изд. АН СССР, 1940, стр. 252).

Еще более странно то обстоятельство, что, процитировав следующую фразу: «Кто украдет крючок, тот смертной казни будет предан, кто царство украдет — правителем... он станет...» из трактата IV—III вв. до н. э. «Чжуанцзы» (изд. *Чжушу цзи-чэн*, Шанхай, 1935, т. 3, стр. 60, цз. 3), Л. И. Думан дал сноску на... «Исторические записки» (стр. 25).

Здесь мы обнаруживаем, что разногласия между переводчиком, редактором и автором русского предисловия сменились полным единством: «Жизнеописание Лаоцзы и Хань Фэйцзы» Сыма Цянь посвятил четырем лицам, но и в переводе из заглавия и в комментарии Л. И. Думана исчезли два имени (так же как два другие из биографии Чжан И, стр. 332). Создается впечатление, что в издании Гослитиздата Сыма Цянь «очищается» от близости к даосской школе, а особенно к Чжуанцзы. Ведь за этим философом — самым сильным диалектиком и замечательным мастером слова в древнем Китае — тянется кличка «идеалист»! Недаром же Сыма Цянь связывается лишь с материалистом Ван Чуном и с Гуаньцзы, который ратовал за обеспечение «материальными средствами существования» (стр. 24).

Однако и эту нашу догадку приходится поставить под сомнение. Ибо даже народная поговорка «Кто тысячью золотых обладает, тот на площади (точнее: на плахе — Л. П.) не умирает» представлена как «крылатая фраза» Сыма Цяня (стр. 28). Очевидно, создатели русского варианта «Исторических записок» забыли, что Сыма Цянь не был знаком со знаками препинания, введенными в Китае лишь в 1918 г. н. э., в частности, что Сыма Цянь не применял кавычки. В биографии Сыма Сян-жу, например, поэт говорит, что его «Ода о Цзы-сюэ» не стоит внимания императора, и просит разрешения создать другую. «Сын неба» тут же приказывает подать ему «кисть и дощечку для письма», но далее в переводе цитируется... все та же «Ода о Цзы-сюэ». Неужели придворный пиит обманул своего повелителя и выдал старое произведение за новое? Почему же «сын неба», читавший эту оду прежде (стр. 285), не только не казнил поэта, но даже пожаловал ему «почетное звание» (стр. 307)? Дело, очевидно, в том, что переводчик не заметил, где начинается «Ода в честь императорской охоты».

Не повезло и другим поэтам. Для переводчика осталась тайной особенность жанра оды — прозаическое вступление, объяснявшее, по какому случаю она написана. Вступление к одам Цзя И («К сове», стр. 184, «На смерть Цюй Юаня», стр. 182) остались не закавыченными, их приписали историческому тексту. «Рыболов», цитированный почти целиком (стр. 178), также оставлен без кавычек и, таким образом, вложен в уста историографа. Последнее произведение даже не нужно искать в китайском оригинале — перевод его был опубликован ранее в сборнике «Цюй Юань» (Гослитиздат, 1954, стр. 125).

Примеры переброски текста от одного автора другому, из стиха в прозу можно и продолжить. Так, ряд строк Сыма Сян-жу передан прозой, которая разрывает текст и снижает пафос наиболее сильных мест — «И вот!.. И тут!..» (стр. 288, 289 и следующие).

«Исторические записки» пережили в русском варианте и другие фантастические приключения: тут и голова вороны, превращенная в «клюв», который можно «есть» (стр. 108); тут и «дворовые» (крепостные!), которых можно лишить имущества и сослать (стр. 195), а можно и выдвинуть на ответственный пост посланника одного царя к другому (стр. 156); тут и письмо «на белом листе» за пять столетий до изобретения бумаги (стр. 74) и т. д. и т. п.

Очень жаль, что столь важное дело, как перевод «Исторических записок», оказалось выполненным неудачно.

Л. Д. Позднеева